

К. Л. Козюренко

«ЖАЛЬ!»: ПРОЩАНИЕ ИМПЕРАТОРА С ГЕНЕРАЛИССИМУСОМ, 12 МАЯ 1800 ГОДА

Обер-офицеры полков гвардейской пехоты, 1796—1797 гг.

Легенды, которыми в избытке овевя заключительный этап жизненного пути Александра Васильевича Суворова, касаются и грустного его финала — церемонии погребения великого полководца, которое достойно отдельного исследования не только как факт биографии Суворова, но и как значительный символический акт павловской эпохи¹. Остановимся на одном из эпизодов дня суворовских похорон: прощании императора с покойным генералиссимусом.

Собственно ничего неясного здесь на первый взгляд нет. Целый ряд мемуаристов, находившихся в этот день в Петербурге и оставивших свидетельства о погребении Суворова, упоминают, что Павел лично вы-

ехал к печальному кортежу, который проследовал мимо него по пути в Александро-Невскую лавру. Разница состоит только в деталях. Так, представитель Мальтийского ордена в России аббат Жоржель, плохо знакомый с топографией столицы, отметил лишь: «Сам император показался на коне с немногочисленной свитой на углу одной улицы»². Н. И. Греч вспоминал: «Он выехал верхом на Невский проспект и остановился на углу Императорской библиотеки. Кортеж шел по Большой Садовой»³. Графиня В. Н. Головина даже утверждала, что Павел «в продолжение некоторого времени следовал за процессией»⁴. Наконец А. С. Шишков свидетельствовал, что государь прощаться с Суворовым «выехал верхом; и сам при мне рассказывал, что лошадь его окружена была народом, и две женщины, не приметя, кто на ней сидит, смотрели, облокотясь на его стремена»⁵.

Но все эти воспоминания увидели свет как минимум полвека спустя после события: Историки же первой половины XIX в., в частности

Н. А. Полевой⁶, описывали сцену прощания императора с генералиссимусом по рассказам близкого родственника Суворова графа Д. И. Хвостова, которые были опубликованы в 1822 г.: «Император, окруженный блистательною свитою, ожидал шествие у Публичной библиотеки, и по приближении гроба, сняв шляпу, низко и почтительно поклонился праху великого мужа, прославившего его царствование»⁷. Новый источник по интересующему нас вопросу привлек Д. А. Милютин⁸. Он изложил эпизод прощания Павла I с А. В. Суворовым по воспоминаниям Я. М. Старкова-Третьякова, изданным в 1847 г. Соответствующий фрагмент мемуаров исследователь добросовестно процитировал в приложениях к своему труду о войне 1799 г.⁹

Поскольку это самое подробное из свидетельств очевидцев о данном событии, приведем его полностью по первоисточнику: «Генерал-майор Алексей Дмитриевич Зайцов, бывший бригад-майором и в 1800 году находившийся безотлучно при особе государя императора, рассказывал мне [Я. М. Старкову-Третьякову. — К. К.], что во время выноса тела покойного Александра Васильевича из дома графа Д. И. Хвостова в Александро-Невскую лавру государь изволил выехать на встречу гроба с тленными остатками великого и остановился на Невском проспекте. За гробом шло множество вельмож и военных чинов, и было неисчислимое множество народа всякого звания. При проносе гроба государь изволил снять с головы своей шляпу и проговорил:

— Прощай! Прости! ... мир праху великого!

— Я не утерпел и никак не мог себя удержать, громко зарыдал, — говорил Алексей Дмитриевич.

Государь обернул ко мне голову, взглянул и изволил сказать:

— Г-н Зайцов! Вы плачете? Это похвально; это делает вам честь; вы любите его?

У его величества из глаз слезы падали каплями. Пропустив процессию, государь тихо возвратился во дворец и целый день был невесел, и всю ночь не почивал, требуя к себе часто своего камердинера, который сказывал, что государь часто повторял слово: «Жаль!»¹⁰

Ряд авторов, касавшихся этой темы после Милютина, также использовали воспоминания Старкова-Третьякова¹¹. Как можно убедиться, в источнике отражена только искренняя печаль императора в день похорон генералиссимуса и ничего более. Но создатель фундаментальной суворовской биографии А. Ф. Петрушевский сумел интер-

претировать это мемуарное свидетельство по иному: «В числе поджидавших печальную процессию находился и государь с небольшой свитой, на углу Невского и Садовой. По приближении гроба Павел I снял шляпу; в это время за спиной его раздалось громкое рыдание, он оглянулся и увидел, что генерал-майор Зайцев, бывший в Итальянскую войну бригад-майором, плачет навзрыд, не в состоянии будучи удержаться. Гроза могла грянуть, но все обошлось благополучно: государь не смог пересилить самого себя и у него из глаз капали слезы. Он похвалил Зайцева за искренность чувства; пропустив процессию тихо возвратился во дворец, весь день был невесел, всю ночь не спал и беспрестанно повторял слово «жалъ»¹². Мы привели эту обширную цитату чтобы показать как историк пересказал свидетельство очевидца своими словами, кардинально урезав проявления самодержцем чувства скорби и добавив от себя оценку поведения Павла таким образом, словно это из источника следует, что император чуть было не разгневался за проявление симпатии к покойному полководцу. Так А. Ф. Петрушевский изящно вписал в свою схему предсмертной и посмертной «последней опалы» А. В. Суворова у Павла противоречащее ей свидетельство мемуариста.

Любопытная ситуация сложилась вокруг личности автора записанных Старковым-Третьяковым воспоминаний. Как мы видели выше, А. Ф. Петрушевский именует Алексея Дмитриевича Зайцева генерал-майором, принимавшим участие в Итальянском походе то ли в должности, то ли в звании «бригад-майор». Однако у Я. М. Старкова-Третьякова изложено достаточно ясно: Зайцев имел генеральский чин на момент фиксации воспоминаний, то есть позднее описываемых событий; бригад-майором он являлся и во время похорон А. В. Суворова; наконец на церемонии Алексей Дмитриевич оказался не просто так, а потому что «находился безотлучно при особе государя императора». Действительно, А. Д. Зайцев стал генерал-майором только в 1828 г.¹³ «В 1799 г. во время войны с французами Зайцев за отличие был произведен в капитаны с назначением бригад-майором в корпус г.-л. Ребиндера, расположенный в то время в Италии», участвовал так же в Швейцарском походе, награжден орденами Св. Анны 3-й ст., Св. Иоанна Иерусалимского «и затем состоял лично при особе государя», до назначения в 1800 г. комендантом Выборгской крепости¹⁴. Итак, вместо образа пожилого суворовского ветерана, чуть ли не под угрозой неминуемого наказания рыдающего в толпе по опальному

полководцу, перед нами тридцатилетний офицер из той самой свиты, с которой Павел выехал прощаться с А. В. Суворовым. Уже само постоянное пребывание «при особе государя» подобного человека много значит для понимания истинного отношения императора к своему генералиссимусу. Но как скромный армейский капитан оказался в такой роли?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо уяснить значение должности бригад-майора. Авторитетный «Военный энциклопедический лексикон» утверждал, что в русской армии со времен Петра I «в каждой бригаде был назначаем старший майор, на которого возложена была часть обязанностей бригадного командира, заключающая в себе все мелочи и подробности управления, наблюдение за полицейскою частию в лагерях, на марше и отчасти должность наших дежурных штаб-офицеров и старших адъютантов; звание это уничтожено императором Павлом I»¹⁵. Последующие справочные издания прямо именовали бригад-майора «начальником штаба бригады»¹⁶. Однако это противоречит фактам биографии А. Д. Зайцева, получившего бригад-майорскую должность только в 1799 г., будучи всего лишь в чине капитана. К тому же о разделении суворовской армии в заграничном походе 1798—1800 гг. на бригады ничего не известно.

Попробуем выяснить, как определяли суть этой должности современники. Созданный В. Н. Татищевым в начале 1740-х гг. «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» свидетельствует: «Брегад-майор один в каждой брегаде, которой, приняв от брегадира, пароль и приказы раздает. Он по определению его караулы разводит и досматривает, партии и разъезды, собирая, смотрит и отправляет. Для которага он должен своей брегаде обстоятельную записку иметь и подаваемые от полков репорты свидетельствовать. Ныне вместо его определены дежур или поденные майоры от полков»¹⁷. Приняв во внимание, что в то время бригада имела в своем составе от двух до шести полков, а командовал ею как правило генерал-поручик или генерал-майор, для первой трети XVIII в. действительно можно считать должность бригад-майора неким подобием начальника штаба такого соединения. Однако «Военный словарь» М. С. Тучкова, увидевший свет в 1818 г., то есть гораздо ближе к интересующему нас периоду, утверждает, что бригад-майор это «штаб-офицер, определяемый при собрании армии в помощь дежур-

ному генералу». В то же время «офицер, определяемый в помощь бригадному начальнику», есть «бригадной адъютант»¹⁸.

Следовательно, в начале XIX в. должность бригад-майора уже имела иное значение — офицер штаба армии. Но как обстояло дело во времена Павла I? Ответ находим в высочайшем приказе, отданном при пароле 15 мая 1799 г.: «Все состоящие ныне при корпусах и армиях бригад-майоры должны исключены быть из полковых списков и впредь числиться по армии с ношением мундиров тех полков, в коих они по сие время служили»¹⁹. Таким образом, император не только не «уничтожил» эту должность, но напротив, придал штабным офицерам среднего звена постоянный статус. А. Д. Зайцев, судя по цитированной выше статье в «Русском биографическом словаре», как раз и был определен за отличие в штаб М. В. Ребиндера. В Швейцарском же походе он числится одним из бригад-майоров штаба всей русской армии, то есть близким помощником самого А. В. Суворова²⁰.

Вероятно, Зайцев хорошо справился со своими обязанностями, так как донося 11 января 1800 г. из Праги императору о выполнении его распоряжений по отводу русских войск на родину, генералиссимус процитировал полученное недавно высочайшее повеление касательно чинов его временного штаба: «...чтобы по возвращении армии в границы находящихся при оной бригад-майоров по инфантерии подполковника Епифанова, майора Жилку и капитана Зайцева... прислать к вашему величеству, а прочим чиновникам приказать явиться к их полкам и командам...»²¹ То есть этих суворовских штабных офицеров Павел пожелал видеть лично. Обратим внимание, что речь идет не о гвардейцах-волонтерах или откомандированных чинах императорской Свиты. Перед нами обычные армейские офицеры, прошедшие школу штабной службы у Суворова. По крайней мере одни из них, А. Д. Зайцев, остался в Петербурге «состоять лично при особе государя». Но в каком качестве?

В 1797 г. Павел I учредил в штате состоящих при своей особе чинов должности четырех бригад-майоров (по два от пехоты и кавалерии) и одного эскадр-майора от флота, которым вменялось в обязанность «находиться собственно при лице его величества и выбор коих также себе предоставляет». Формально они не состояли в государственной Свите, но выполняли те же адъютантские функции при императоре, что и флигель-адъютанты. Нередки были переводы последних в должность бригад-майора, причем тогда флигель-адъютант отчислял-

ся из Свиты²². Вот на этой-то должности при государе и оказался скромный армейский капитан Зайцев. Для того времени карьера просто феерическая и объяснить ее можно только искренним желанием Павла I постоянно иметь при себе офицера с богатым практическим опытом штабной службы в Итало-Швейцарском походе у А. В. Суворова. Не удивительно, что именно А. Д. Зайцева император взял с собой провожать в последний путь генералиссимуса. Как тут не вспомнить бытующее в историографии мнение о якобы неприязни Павла к участникам Итало-Швейцарского похода!

Как бы то ни было, но после издания в 1884 г. капитальной суворовской биографии интересующий нас эпизод прощания государя с Суворовым стал излагаться в литературе теперь уже исключительно «по Петрушевскому»²³. Но этим дело не ограничилось. Автор весьма обширной и подробной статьи о А. В. Суворове в «Русском биографическом словаре» С. Д. Масловский выдвинул новую версию: «Павел во время погребения производил смотр гусарам, лейб-казакам и Аральским казакам, был на вахт-параде, после которого удалился во внутренние покои, и только в 6 часов вечера, когда церемония давно уже была окончена, выехал в город на обычную свою прогулку»²⁴. При этом о прощании императора с похоронным кортежем исследователь не упомянул вовсе. Правдоподобное перечисление исторических реалий и отсутствие информации о занятиях Павла 12 мая 1800 г. в предшествующих трудах историков заставляет с вниманием отнестись к ее возможному источнику. Полагаем, что С. Д. Масловский первым из исследователей суворовской биографии использовал опубликованный в 1899 г. камер-фурьерский церемониальный журнал за 1800 г., фиксировавший события придворной жизни. Хотя в своем пересказе автор статьи допустил ряд неточностей, в главном он прав: в документе нет ни слова о присутствии Павла при прохождении печального кортежа с телом генералиссимуса.

Но все же подвергать сомнению этот факт не приходится. Кроме мемуаров, созданных спустя годы, мы имеем и свидетельство современное событию. Будущий известный церковный историк Евгений Болховитинов шел 12 мая среди духовенства за катафалком с гробом Суворова и спустя всего два дня описал всю церемонию в послании к своему знакомому. Вот отрывок из письма, касающийся императора: «Мы шли по Сенной бессменно до Лавры. Едва вышли на Невский проспект близ Гостинного ряду, как вдруг увидели государя ожидаю-

щего церемонии верхом на лошади при углу Гостинного двора. Мы поклонились и он соответствовал, а потом сделал честь и гробу. Мы потянулись к Невскому, а он куда изволил поехать не видали»²⁵. Судя по списку источников к главе о кончине Суворова в работе А. Ф. Петрушевского; историку была известна эта публикация, но биограф полководца почему-то совершенно не использовал содержащиеся в ней уникальные и подробные сведения²⁶.

Что же тогда камер-фурьерский журнал? «Журналы представляют собой сборники кратких записей, которые велись ежедневно камер-фурьерами... журналы нельзя использовать как самодовлеющий источник»²⁷. Исходя из этого рассмотрим записи за первую половину 12 мая 1800 г.: «В субботу, по утру, в начале 9-го часа, его императорское величество изволил обще с его высочеством государем наследником и с приглашением обер-штальмейстера графа Кутайсова выезд иметь верхами на парадное, что против Летнего сада, место, где его величество находящимся тогда и пред тем построившимся под распоряжением государя цесаревича великого князя Константина Павловича как Лейб-гвардии [Конного. — К. К.] и Лейб-Гусарского полков эскадронам, так и Лейб-казакам и казакам же Аральским [т. е. Уральским. — К. К.] изволил учинить смотр»²⁸. Затем камер-фурьер подробно описал как на это мероприятие прибыла императрица с великими княжнами и придворными дамами, как наблюдала со специального «балкона» в Летнем саду за смотром, по окончании которого немного прокатилась по саду в карете, имела в Михайловском замке «фрыштык» и «в 11-м часу верхами ж» вернулась в Зимний дворец. Только после этого в журнале вновь появляется упоминание о Павле: «А его императорское величество, **возвратясь же между тем к разводу** [выделено нами. — К. К.], изволил по окончании сего проходить во внутренние свои апартаменты»²⁹.

Итак, император куда-то уезжал прямо во время вахт-парада. Судя по тому, что камер-фурьер со своими записями остался при императрице, отлучка была неплановой, относительно кратковременной и без большой свиты. Вынос тела А. В. Суворова из дома Д. И. Хвостова на Крюковом канале состоялся в 9 часов утра³⁰. По свидетельству Е. Болховитинова обедня у гроба в Александро-Невской лавре началась уже в половине двенадцатого³¹. Два с половиной часа — вполне реальный срок чтобы со всеми приличествующими случаю задержками похоронный кортеж добрался от Крюкова канала до Лавры. Соот-

ветственно около десяти часов утра он как раз должен был поворачивать с Садовой на Невский, куда и выехал император, чтобы отдать последний долг своему генералиссимусу. Таким образом, камер-фурьерский журнал не только не опровергает, но скорее подтверждает свидетельства очевидцев прощания Павла с телом А. В. Суворова.

Однако точка зрения С. Д. Масловского была канонизирована четверть века спустя создателем классической советской биографии генералиссимуса К. Осиповым, который в 1938 г. безапелляционно заключил, что «Павел I на похоронах не присутствовал»³². После этого утверждения следует дословное воспроизведение цитированного выше пассажа из статьи Масловского. В последующих же многократных переизданиях своей книги Осипов даже перестал упоминать самодержца при описании церемонии погребения Суворова, очевидно считая вопрос решенным³³. В дальнейшем тенденция подгонки источников под заданную концепцию применительно к рассматриваемому нами событию не претерпела изменений. Например, Г. И. Меерович и Ф. В. Буданов так далеко пошли по пути, едва намеченному А. Ф. Петрушевским, что соответствующий фрагмент из их книги стоит привести целиком. По утверждению исследователей Павел «не присутствовал на похоронах А. В. Суворова, предпочтя этому смотр гусар и лейб-казаков, а также вахт-парад. На одном из перекрестков Садовой улицы похоронная процессия перерезала путь императору и его небольшой свите. Павел снял шляпу. Вдруг совсем рядом он услышал рыдания. Павел оглянулся и увидел генерал-майора Зайцова, участника Итальянского похода, который плакал навзрыд. «Прощай! Прости! Мир праху великого», — вне себя от горя произнес соратник полководца. Тем временем Павел и его свита со всех сторон оказались окруженными народом, который теснил их, желая лучше разглядеть проходившую похоронную процессию. К неудовольствию царя две женщины, не замечая, кто сидит на коне, облокотились на его стремя»³⁴. Поскольку источники, которые использованы здесь уважаемыми авторами, цитировались нами выше, желающий сам может определить меру их подтасовки.

Впрочем, гораздо более важно оценить ту форму, в которую император облек свое расставание с генералиссимусом. С конца XIX в. в литературе широко распространено мнение, что Павел «всего лишь» выехал навстречу печальному кортежу, чтобы проститься с покойным. Очевидно, подразумевается, что государь должен был со-

проводить процессию, либо же присутствовать на церемонии погребения Суворова. Не сделав этого, он принизил значение события и продемонстрировал свое негативное отношение к усопшему. Но следует заметить, что во время предшествующих женских правлений XVIII в. о личном прощании самодержицы с самыми выдающимися из скончавшихся государственных деятелей речь даже не заходила. Более того, когда в 1777 г. умер адмирал С. И. Мордвинов, имевший огромные заслуги как перед флотом, так и лично перед Екатериной, прослуживший более полувека и занимавший самые высокие посты, Г. А. Потемкин предложил выделить для торжественной церемонии прощания, кроме морских частей, армейский полк, но императрица наложила на документе краткую и сухую резолюцию: «Помнится есть запрещение о церемониальных погребениях. Выправьтесь о том. Мое есть мнение, чтоб морским оставить погребение, не посылая других команд»³⁵.

Вполне вероятно, что упомянутый Екатериной высочайший указ действительно был издан во времена душевно «чувствительной» и суеверной Елизаветы Петровны. Во всяком случае, в начале царствования Павла организованные по высочайшим распоряжениям пышные церемонии погребения даже весьма знатных персон современники фиксировали как нечто необычное³⁶. Таким образом, поступок, совершенный императором 12 мая 1800 г., противоречил сложившейся традиции именно в том смысле, что был невиданным до тех пор знаком высочайшего уважения государя к скончавшемуся полководцу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопросы внешнего оформления государственной власти, ритуалы, символика и так далее занимали важное место во внутренней политике Павла I, см.: *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 502—503.

² Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 168. Воспоминания были написаны в 1806—1810 гг.

³ *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 106. Автор создал свое произведение в 1849—1851 гг.

⁴ История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 220. Мемуары написаны в 1810—1817 гг.

⁵ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin, 1870. Т. 1. С. 63. Воспоминания относятся к концу 1820-х гг. В 1800 г. мемуарист состоял в

чине вице-адмирала и должности члена Адмиралтейств-коллегии, был приближенным лицом императора.

⁶ См.: *Полевой Н. А.* История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. М., 1893. С. 302. Первое издание книги вышло в 1843 г.

⁷ А. Р. Последние дни жизни Суворова // Северный архив. 1822. Май. № 10. С. 262.

⁸ *Милютин Д. А.* История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1857. Т. II. С. 500.

⁹ Там же. Т. III. С. 651.

¹⁰ *Старков-Третьяков Я. М.* Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 271—272. Полагаем, что Н. И. Греч, который наблюдал из дома на Невском проспекте прохождение похоронного кортежа Суворова будучи всего тринадцати лет от роду, почерпнул подробности присутствия при этом Павла скорее всего из этого же издания воспоминаний Старкова-Третьякова.

¹¹ См., напр.: *Лебедев П. С.* Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича 1796—1801 // Русская старина. 1877. Т. XVIII. № 4. С. 600.

¹² *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 3. С. 372.

¹³ Родился Зайцев в 1770 г., малолетним поступил в Азовский мушкетерский полк, участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., войнах с Польшей 1792 и 1794 гг., причем в последней под командованием Суворова, за отличие произведен в прапорщики. С 1795 г. подпоручик, с 1798 г. поручик того же Азовского мушкетерского полка. Биографический очерк см.: *Русский биографический словарь.* Пг., 1916. Т. «Жабокритский—Зяловский». С. 179—181.

¹⁴ Там же. С. 180.

¹⁵ Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1853. Т. II. С. 496.

¹⁶ Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1883. Т. I. С. 512; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. V. С. 72.

¹⁷ *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 197.

¹⁸ *Тучков М. С.* Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российской, какое оных употребление и к чему служат. М., 1818. Часть первая. С. 47.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXV. С. 652. № 18968.

²⁰ *Милютин Д. А.* История войны 1799 г... Т. III. С. 488.

²¹ А. В. Суворов. Документы. М., 1953. Т. IV. С. 443.

²² *Квадри В. В.* Императорская главная квартира: История государевой свиты. Восемнадцатый век. СПб., 1902. С. 430—433.

²³ См., напр.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 433—434; *Шумигорский Е. С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 189.

²⁴ *Русский биографический словарь.* СПб., 1912. Т. «Суворова—Ткачев». С. 79.

²⁵ Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Кн. 4. Ст. 778.

²⁶ См.: *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. С. 394.

²⁷ *Скоробогатов А. В.* Камер-фурьерские журналы как источник по истории жизни и деятельности императора Павла // *Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании.* М., 1996. С. 215—216.

²⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь—июнь 1800 года. СПб., 1899. С. 416—417.

²⁹ Там же. С. 418.

³⁰ См. послание Д. И. Хвостова архиепископу Амвросию от 11 мая 1800 г. и «визитные билеты» на участие в похоронах: *Русская старина.* 1900. Т. 102. № 5. С. 333.

³¹ Выдержки из дружеских писем Евгения... Ст. 778.

³² *Осипов К.* Суворов. М., 1938. С. 374.

³³ См., напр.: Он же. Александр Васильевич Суворов. М., 1955. С. 279—280.

³⁴ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В.* Суворов в Петербурге. Л., 1978. С. 283.

³⁵ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791 / Изд. подг. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 120. Благодарю ст. научного сотрудника ГММ А. В. Суворова Б. В. Галенко за то, что он обратил мое внимание на этот интересный документ. Заметим, что как и А. В. Суворов, С. И. Мордвинов был погребен в Александро-Невской лавре.

³⁶ См., напр.: *Гейкинг К. А.* Дни императора Павла. Записки курляндского дворянина. СПб., 1907. С. 33.